

Кирилл Померанцев.

«Иди на Голгофу»⁸

«Иди на Голгофу!» говорит Александр Зиновьев своему герою Ивану Лаптеву, «тунеядцу, пьянице, поэту и проповеднику, отсыпавшемуся после очередного перепоя в песочнице на детской площадке города Энска».

На вопрос — «с кого он списал г-жу Бовари?», Флобер ответил: «Г-жа Бовари — это я». Шестов был во многом прав, когда утверждал, что, в сущности, Достоевский до смерти оставался «подпольным человеком», а Ницше придумал своего Заратустру, чтобы сказать, как он относится к нашему наихудшему из миров. Думается, что приблизительно то же самое можно сказать и о зиновьевском Лаптеве: ведь и Флобер ни с какой стороны не был женщиной!

Однако...

Но здесь-то и начинаются трудности. Потому что путь Лаптева (от Энска до Москвы) — лишь этап в эпопее Зиновьева, лет десять назад вышедшего из Ибанска («Зияющие высоты») и дошедшего (пока что) до Энска и за это время отмахавшего 14 этапов!

Невольно вспоминается наша первая встреча в Париже. Точно уже не помню когда (но тоже что-то около десяти лет назад). Сидели мы в традиционном ресторанчике «Русской мысли» на авеню Ваграм, и меня поразило крайнее, почти аскетическое вегетарианство Александра Александровича, к которому прибавлялся абсолютный антиалкоголизм: не только от аперитива отказался, но и полстакана вина не захотел выпить: для советского человека — потрясение основ! И вот тогда я спросил — верующий он или нет? А. А. что-то начал говорить и признался: «Право, не знаю».

Проснувшись, Лаптев вообразил себя Богом, русским Богом, во всяком случае, что значит «страдающим»: «Ведь мы, русские, имеем богатый исторический опыт по этой части. Страдания стали нашим привычным образом жизни и нашей натурой. И страдаем мы с выдумкой, с талантом, с большим мужеством и терпением, можно сказать — профессионально. И, конечно, с наслаждением». Русский же Бог — «явление очень странное. Он самые чистые и святые мысли выражает самым грязным языком в мире... Он высказывает самые трезвые суждения лишь в безобразно пьяном виде... Так что если в дальнейшем скажу вам что-то умное, то знайте: я в это время был пьян... («что у пьяного на уме, то...»).

И здесь — весь Зиновьев и все его отличие от Ницше-Заратустры, ожесточенные нападки которого на Бога были одинаково и результатом его страшной болезни, но и столь же страшного преступления людей, «убивших Бога», и который все же воскликнул: «Господи, почему Ты меня оставил?» Лаптев-Зиновьев кончает приблизительно так же. Своею проповедью он на-

жил не только почитателей, но и врагов, которые, само собой, одолели почитателей, и он был вызван в Москву, где был судим и приговорен к «высшей мере наказания». Однако через несколько лет вдруг снова появился в своем городе.

«— Глядите! — раздались возгласы. — Никак опять Иисусик объявился. Откуда ты? Слух был, что тебя в Москве «шлепнули». Значит вранье?»

— Нет, — сказал Лаптев, отыскивая место для своего полного стакана и тощего тела, — не вранье. Только «шлепнули» не меня, а нечто за мне: во мне убили Бога».

Это уже не смешно. И снова вспоминается Ницше, считавший, что «самым страшным преступлением, совершенным людьми, было убийство Бога». Но в те времена убийцы — Маркс, Энгельс, Фейербах, Дарвин, Фрейд, Конт... — всенародно справляли свою победу, писали книги-откровения. Теперь времена изменились, и человечество питается лишь объедками с когда-то казавшимся царственным стола.

«Иди на Голгофу» — написана в классическом зинovieвском стиле: диалогами между действующими лицами, «Богом» — Лаптевым и его окружением: его Антиподом, его Богиней, административными чинами Энска, врагами и почитателями и многочисленными его пациентами. Здесь надо заметить, что Лаптев, как и Распутин, обладал даром излечения некоторых недугов путем внушения и соответствующих бесед. Следует также отметить, что свой дар, который он получил даром, даром же его и раздавал: денег за «исцеления» не брал: это входило в принципы проповедуемого им «лаптизма».

Он, кроме того, предупреждал: «Я исхожу из такой предпосылки: мы живем в коммунистическом обществе и не имеем шансов его изменить, заменить другим и убежать из него. Более того, мы не хотим его изменять... Мы обречены жить в нем, причем — в таком, каким оно нам дано в качестве естественной социальной среды». А это значит: не совершай противозаконного. Не участвуй во власти. Игнорируй все официальное... И ни в коем случае не обожествляй власть... Игнорируй официальную идеологию. Любое внимание к ней укрепляет ее».

И это — святое признание. И относится не только к Лаптеву и его творцу, Зиновьеву (он-то знает, что пишет!). Но ко всей России, ставшей «Союзом Советских Социалистических Республик»: никакого «Союза» нет и никогда не было, «Советы» (настоящие) давно разогнаны, «Социализм» — и не ночевал, «Республики» — очередной миф, что значит, что уже четыре буквы: СССР — четыре безапелляционных лжи. И так везде и во всем. Без лжи и демагогии в СССР (стихии лжи) не проживешь.

Но это не все. «Самое трудное в моем положении, — признается Лаптев, — состоит в том, что я атеист... Бог не может верить в Свое бытие, ибо Он не может относиться к Себе, как к чему-то вне Его Самого». Стальная логика! Да и сам Зиновьев в интервью, данном журналу «Фигаро-Магазин» (10.1.87), признается: «Я атеист и глубоко верующий... Это очень просто. Я человек конца XX века, я ученый. Но, как существо моральное, я религиозен. Это значит, что существование или не-существование Бога, как идеальной сущности, для меня не проблема».

Как будто разумно. Но когда я был в подготовительном классе, мы с товарищами уже обсуждали вопрос: «А может ли Бог создать гору, на которую сам не сможет влезть?» Видно, такие штучки уже обсуждались в «те баснословные года». К сожалению, никто из взрослых не мог объяснить нам, что Бог не подчинен ни времени, ни пространству и уж тем более нашей «трехмерной» логике.

Изложить вкратце, резюмировать все приключения Лаптева, как всегда, претворенные в монологи и диалоги (таков уже стиль Зиновьева), дело абсолютно немыслимое: это — огромный кристалл с сотнями граней, освещенных каждая своим специфическим светом, исходящим из того же кристалла, и образующих вместе это нелепое, но вместе с тем крепко спаянное сооружение, вмещающее 280 миллионов людей, называющихся «советскими гражданами». Отсюда все качества и все пороки его героя, возмнившего себя Богом, но признающего, что он атеист;

пьяницы и развратника, но отказывающегося брать деньги за свои исцеления, хотя случались дни, когда у него не было нескольких копеек на кусок хлеба; подсмеивающегося над Иисусом, но все же пытающегося идти Его путем, отлично зная, что этот путь ведет на Голгофу, словно он понимает, что Голгофа потому и Голгофа, что ведет к Воскресению. Иначе она давно превратилась бы в нечто вроде Малахова кургана, которых в каждой стране хоть отбавляй.

В конце концов, известность Лаптева, как излечителя и целителя, достигла самой Москвы, ну и, конечно, нашлись умельцы и охотники до приключений, решившие воспользоваться его способностями и качествами. Главным в предприятии оказался некий «Серый» («таким было мое восприятие его», заявил Лаптев), который так ему и брякнул: «С такими способностями, как у тебя, деньги лопатой загребать можно. Только не в провинциальной дыре. Тут дураков не так много осталось. Надо в столицу податься. А там...»

Лаптев плохо верил в подобную перспективу, но Серый уговорил: «Хотя Бог явление провинциальное, — думал он, — но лишь в столице он может быть отвергнут и наказан, то есть признан».

И Лаптев согласился.

В Москве его вымыли, вычистили, побрили, одели в хороший костюм и даже соорудили школу, в которой он начал преподавать подправленную Серым «свою систему», хотя такой поворот дела ему «не очень-то понравился». Но Серый был тверд: «Мы тебе дали возможность проповедовать твоё ученье, но не ради твоих дурацких идей (у нас своих идей в избытке), а ради денег. Мы и не скрываем этого. Так что вроде бы все по-честному...»

По-честному или не по-честному, но ученики стали валить в школу чуть ли не тысячами, так что «наверху забеспокоились, опасаясь за чистоту марксистских риз, тем более что лаптевизм смахивал больше на новую идеологию, чем на религию, так что «школу пришлось закрыть раньше, чем предполагалось». А потом все пошло как по-писанному: состряпали на Лаптева «дело» и предложили выбор: «Сознаться, что мошенник, либо упорствовать, и тогда...» Лаптев выбрал «тогда. И был приговорен к высшей мере наказания». Но что-то в административной машине не сработало, и он снова обучился в своем родном городе. Живым, но с «убитым в нем Богом».

«Даром получили, даром и давайте», — сказано в Евангелии.